

А.А. Арустамова
доктор филологических наук,
профессор Пермского государственного национального
исследовательского университета
aarustamova@gmail.com

«НОВАЯ АМЕРИКА» А.БЛОКА И А.ЛАДИНСКОГО

В статье рассматривается устойчивость мотива «новая Америка» в русской культуре как результата соединения двух тем – технократической утопии и идеалистически окрашенного нового мира. Доказывается, что идеалистические моменты этого мотива связаны не столько со свойствами предмета, сколько с пониманием поэтами и мыслителями собственной судьбы как части судьбы человечества. Реализация такого мотива потребовала радикального переосмысления таких понятий как труд и странствие, что стало возможно только внутри целостной эстетической программы Блока, хотя и было предвосхищено предшествующей логикой русской культуры. Исследование перипетий этого мотива в русской эмиграции позволяет уточнить значение понятийной организации для русского культурного самосознания на примере понятий пути, странствия, труда, воспоминания и спасения, оценив и потенциал межкультурного диалога на основе этих понятий.

Ключевые слова: утопия, образы культуры, поэзия и культура

The article discusses the permanence of the new America topic in the Russian culture as compilation of two issues: technocratic utopia and ideal mood of new world. It is proved that idealistic tendency of this topic provided not with consideration of the object, but with reconceptualization by this poets and thinkers their own destiny as part of the human development. Substantiation of this topic required deep rethinking of such concepts as *labor* and *wandering*, possible only in the Blok's aesthetic program, although it was anticipated by the previous self-consciousness in Russian culture. The study of the transformations of this topic in the Russian emigre literature makes possible to explain significance of the main cultural concepts for Russian intellectual reflection, if we examine concepts of path, wandering, labor, memory and salvation, anticipating potential of intercultural dialogue around these concepts.

Keywords: utopia, image of culture, poetry and culture

Русская культура начала XX века являла открытость и интерес к другим культурам и к иным странам. «География» образов и аллюзий в произведениях поэтов и писателей того времени, была чрезвычайно широка и включала в себя как Запад, так и Восток, как Север, так и Юг. На этой ментальной карте русской поэзии значительное место занимали мотивы и образы, связанные с Америкой. Тема Америки устойчива для русской поэзии 1900-1910-х гг. и присутствует в творчестве А.А. Блока, О.Э. Мандельштама, Н.С. Гумилева и целого ряда других авторов.

Но ситуация трагического культурного разрыва, обусловленная событиями революции 1917 г. и гражданской войны, привела к тому, что в изгнании оказались многие выдающиеся и начинающие свой творческий путь писатели и поэты. Они сохраняли в своем творчестве традиции русской культуры и «унесли» с собой на чужбину тот круг мотивов и образов, вопросов и тем, которые разрабатывали, находясь в России. Атмосферу русского серебряного века восприняло и поколение поэтов, чье творчество началось и состоялось в эмиграции. Этим объясняются образные и мотивные, вплоть до заглавия, переклички в произведениях поэтов серебряного века и поэтов первой волны эмиграции. Именно они и станут предметом исследования в данной работе.

В 1913 г. в России А. Блок пишет стихотворение «Новая Америка», а в 1936 г. во Франции поэт-эмигрант А. Ладинский публикует небольшой цикл из трех стихотворений под тем же названием «Новая Америка». В этих произведениях и тот, и другой поэты задумываются о будущем России и

прогнозируют его. Как могли появиться стихотворения с идентичным названием, разделенные временем (более чем двумя десятилетиями), пространством (Петербург/Париж), написанные в две разные эпохи – до и после революции? Почему именно образ Америки возникает в обоих текстах, в том числе и в заголовке, какую семантику в себе несет образ Новой Америки у Блока и Ладинского?

Стихотворение Блока достаточно хорошо изучено исследователями русского символизма. Оно рассматривается в контексте поэтических интуиций Блока о прошлом и будущем России, отношения поэта к прогрессу [Колобаева, 2000], с точки зрения воплощения в творчестве Блока темы обновления России [Rouge, 1976], магистральной для его поэзии темы пути [Максимов, 1981], как аллегорическое понимание Евхаристии [Марков, 2015]. Однако, говоря о «Новой Америке», нужно упомянуть об одной тенденции восприятия и изображения Америки в русской литературе XIX в., в которую укладывается стихотворение Блока и затем цикл Ладинского.

В литературе последней трети XIX в. некоторые явления русской жизни соотносятся с явлениями американской действительности, получают американские названия, ставшие знаковыми. Результатом этого становится метафоризация и метонимизация как сюжетный прием и как принцип создания заголовков произведений. Сопоставление, соположение и сближение двух стран становятся не только предметом размышлений писателей и публицистов, как это было на протяжении всего XIX в., но и декларируются самим заглавием.

К примеру, в 1897 г. в «Историческом Вестнике» печатались очерки «Заокеанская Русь» Е.Н. Матросова и «Америка в России» В.И. Немировича-Данченко. Первый цикл очерков посвящен анализу религиозной, социальной жизни в США выходцев из славянских земель. Второй же цикл зеркально показывает проникновение американских черт на русскую почву. В.И. Немирович-Данченко рисует разумную предприимчивость промышленника Мальцева, который обустроил заводы на американский манер, что привело к повышению их эффективности, лучшему по сравнению с другими положению рабочих, значительно более серьезной технической оснащенности [Немирович-Данченко, 1882]. Тот же Немирович-Данченко в очерках, описывавших его путешествие по Каме и Уралу (отдельными изданиями очерки были выпущены в 1890 и 1904 гг.), размышляет о богатом потенциале уральской земли и сравнивает Урал и Калифорнию, сближает их по богатству природных ресурсов и скорости развития. Можно сказать, что на рубеже веков сложилась традиция писать о техническом (в первую очередь) и социальном развитии России, используя параллели с США.

В «Новой Америке» Блок движется в общем русле указанной традиции. Как указывает Ч. Ругл, поэт, используя рождественскую символику, противопоставляет Россию нынешнюю и будущую, аграрную и промышленную [Rouge, 1976]. Не случайно в этом смысле обращение к образу Рождества в сильной позиции в стихотворении – в начальных и финальных строках: «Праздник радостный, праздник великий, Да звезда из-за туч не видна» [Блок, 1980, с. 198] и «Уголь стонет, и соль забелелась, И железная воеет руда... То над степью пустой загорелась Мне Америки новой звезда!» [Блок, 1980, с. 200]. Именно на этом пути – отличном от старой Америки – родится новая Россия.

Можно увидеть в стихотворении Блока косвенную отсылку к работе А.И.Герцена «С того берега», в которой высказывается критика Америки как улучшенного извода европейской цивилизации: «Куда бежать? Где эта новая Пенсильвания, готовая... – Для старых построек из нового кирпича. Вильям Пенн вез с собою старый мир на новую почву; Северная Америка – исправленное издание прежнего текста, не более» [Герцен, 1955, с. 256]. Глава «Consolatio» завершается диалогом героев: «– Я поеду в Америку. – Там очень скучно. – Это правда...» [Герцен, 1955, с. 106].

Блоковская поэтическая интуиция провидит, однако, иное будущее. В стихотворении «Новая Америка» образ России-«невесты» строится на ряде характерных для Блока исторических и культурных ассоциаций (Россия – Русь, богомолье, «московский платочек цветной»), неоднократного указания на пустое пространство, продуваемого ветрами, и антитез: «Путь степной –

без конца, без исхода, Степь да ветер, да ветер – И вдруг Многоярусный корпус завода, Города из рабочих лачуг...». Организация пространства в стихотворении несет в себе аллюзию на Вступление к «Медному всаднику» А.С.Пушкина. Рождение новой России Блока подобно чудесному рождению Петербурга, то есть новой России Петра I. В «Медном Всаднике» там, где «прежде финский рыболов, Печальный пасынок природы, Один у низких берегов Бросал в неведомые воды Свой ветхий невод», теперь «Громады стройные теснятся Дворцов и башен...» [Пушкин, 1977, с. 274-275]. В стихотворении Блока в пустоте степи вырастают («вдруг») новые заводы, «лачуги» рабочих, строятся новые шахты. Вместо «убогой финской Руси» (ср. пушкинское: «приют убогого чухонца», «где прежде финский рыболов...») возникает картина развитого индустриального края.

В этом стихотворении поэт указывает на двойственный лик России, диалектическое единство старого и нового: «Ты все та, что была, и не та, Новым ты обернулась мне ликом...» [Блок, 1980, с. 200]. Особый путь России-невесты, по Блоку, заключается в индустриальном развитии, но не одномерном, а мистически освященном: «Черный уголь – подземный мессия, Черный уголь – Здесь царь и жених» [там же]. Время в стихотворении разворачивается от прошлого к будущему, но стоит обратить внимание на поэтический синтез, нашедший выражение в композиции лирического сюжета. Прошлое (историческое) отделено от настоящего и будущего пространственно – рекой. Строфа, в которой появляется образ реки, отделяющей Россию историческую, вековую, от России индустриальной, находится строго в центре стихотворения (до нее располагаются 7 строф, и после нее – 7 строф). Однако в финале стихотворения происходит синтез: поэт пишет о нераздельности той и другой России, о ее двух неразрывных сторонах. И только благодаря этому синтезу становится возможным появление не старого извода цивилизации Нового света, а подлинно нового пути России, надежда на воплощение чаемого будущего – динамично развивающейся и процветающей страны.

Спустя двадцать три года в Париже А.Ладинский выпустил цикл из трех стихотворений «Новая Америка», в свою очередь вошедший в сборник «Пять чувств» (1938). Безусловно, Ладинский знал о существовании стихотворения «Новая Америка» Блока. Более того, Блок был одним из его любимых поэтов. Блок становится даже персонажем лирики Ладинского («На зимнем окошке у Блока Хрустальная роза цвела» – [Ладинский, 2008, с. 234]); в стихотворениях парижского поэта появляются узнаваемые образы и мотивы блоковской поэзии, воспроизводится и переосмысливается созданная петербургским поэтом картина слома эпох, взвихренной России. Блоковские аллюзии в поэзии Ладинского указывают на то, что поэта-эмигранта интересует ситуация слома эпох, момент исторической катастрофы (см. «Так солнце стояло над Римом», «Пустых сердец прохлада», «Зима» и другие стихотворения), но и – размышления о будущем.

Так, в стихотворении «Так солнце стояло над Римом...» центральным является мотив гибнущего мира. Темой первой части стихотворения становится гибель римской цивилизации перед лицом варварского нашествия. Во второй части произведения по принципу соположения изображена Россия, и Россия блоковская, уходящая: «Жил Блок среди нас. На морозе Трещали костры на углах, И стыли хрустальные слезы На зимних прекрасных глазах. Жил Блок среди нас. И, вздыхая, Валился в Сугроб человек, И падал, и падал из рая На русские домики снег» [Ладинский, 2008, с. 84].

Мотивы невозможности удержать, сохранить эту эпоху пронизывают «блоковские» стихи Ладинского (например, в стихотворении «Пустых сердец прохлада»). Ускользает, по Ладинскому, целый мир, но это переживание проникнуто элегическим настроением, личным, персональным переживанием исторического слома поэта, чья судьба попала в колесо истории. Поэт пишет от лица своего поколения, пережившего революцию и ее последствия. Для Ладинского Блок – символ предреволюционной России: «А Блок? В стране сияний уже не видно Вас Сквозь лес воспоминаний, Статеек и прикрас. Никак нельзя руками Дыханье удержать. Никак нельзя... Мы сами Не в силах устоять» [Ладинский, 2008, с. 121].

Можно сказать, что Ладинский вступает в диалог с Блоком, размышляя о судьбе России и его поколения, о чуткости поэтической интуиции петербургского поэта. Этот диалог продолжается и в

цикле «Новая Америка», включенном в сборник «Пять чувств». Заметим, что обращение в одном цикле и к Америке, и к России, – скорее исключение для литературы европейской эмиграции. Тем важнее оно кажется в поэтическом мире Ладинского.

Этот цикл из трех стихотворений следует сразу за стихотворением, открывающим весь сборник. В заглавном произведении сборника задаются его интонация и лейтмотив – путь, движение, в котором находится не только человек, но и современный ему мир. Не домосед, а странствователь, не оседлость, а дорога – такова судьба человека («Не дом, на кладбище похожий, А палка, легкое пальто И в чемодане желтой кожи Веселое хозяйство то» [Ладинский, 2008, с. 131]). Цикл «Новая Америка» состоит из трех стихотворений, представляющих взгляд в прошлое, настоящее и будущее и объединенных мотивами пути и исторического движения. Драматичное рождение нового мира и открытие новой земли – так можно было бы определить тему этих стихов.

В первом стихотворении показан путь пуритан в Америку. Поэта интересует драматичный момент плавания на корабле в новую землю, в Новый свет, ассоциируемый в тексте с новым Израилем. Ладинский обращается к устойчивому сюжету пересечения океана как состоянию переходности – от старого мира к новому, более справедливому. Плавание пуритан ассоциируется с исходом евреев и чаянием нового Израиля, нового Сиона. Ладинский щедро использует в этом тексте библейские аллюзии. Библейская образность, интонация направлены на создание эсхатологической картины мира: «Объята вселенная страшным и дивным пожаром, Все громче органы режут и псалмы пуритан, Все ближе Сион – с каждым новым небесным ударом, Качается, как Немезиды весы, океан» [Ладинский, 2008, с. 132]. Град божий (Сион), град на холме – эти устойчивые ассоциации с Америкой появляются имплицитно и в стихотворении Ладинского, посвященного пути первых пилигримов в США. Стихотворение строится на образах огня («вздувается парус дыханьем из огненной пасти», «а грешник – в геенне», «уже он в кипящей геенне»), пучины, сюжетизирующейся метафоры «жизнь – море», сравнения корабля-каравеллы с Ноевым ковчегом, корабля с вертоградом. Драматизм сюжета обновления мира усиливается оксюморонами: поэт предугадывает наступление «прекрасной И страшной эпохи», вселенная объята «страшным И дивным пожаром».

Творчество Ладинского характеризуется интертекстуальностью, и в этом стихотворении в образе корабля и мотива пути можно усмотреть аллюзии на поэзию К.Д. Бальмонта и Н.С.Гумилева. Корабль-вертоград отсылает к общему строю лирики Бальмонта, для которого образ корабля является одним из важнейших, и в частности, к сборнику «Зеленый Вертоград» (1909), в котором заглавным стихотворением является «Кормщик», а образ корабля становится центральным. Как отмечает Н.А. Молчанова, Бальмонт трансформирует характерный для духовных стихов образ церкви как корабля в романтически-теософский образ [Молчанова, 2006]. Пространство стихотворения Бальмонта также расширяется до всей земли: «– Кто ты? – Кормщик корабля. – Где корабль твой? – Вся Земля. – Верный руль твой? – В сердце, здесь. – Сине Море? – Разум весь» [Бальмонт, 1911, с. 9].

В стихотворении Ладинского присутствует и аллюзия на мотив пути корабля как окончательного расставания с прошедшим, встречающийся в поэзии Гумилева: «Что ж, обратиться нам вспять, Вспять повернуть корабли, Чтобы опять испытать Древнюю скудость земли? Нет, ни за что, ни за что! Значит, настала пора...» (Н. Гумилев «В пути»). Интертекстуальность усиливает эсхатологическую интенцию стихотворения парижского поэта: Ладинский, как Бальмонт и Гумилев, сближает семантику концептов жизни (обретение новой жизни в новом краю) и смерти: «...в час торжества невозможно никак позабыть, Как были заплаканы эти глаза голубые, как голос зывал из пучин о желании жить» [Ладинский, 2008, с. 132]. Так сюжет о пуританах, навсегда покинувших Европу, становится в первом стихотворении цикла «Новая Америка» начальной страницей истории Новой Америки, расширяясь одновременно до картины рождения нового мира.

Второе стихотворение цикла «Новая Америка» строится на интонационном контрасте. Оно погружено в реальность сегодняшнего дня. Во втором тексте густо представлены современные

реалии: чернильница, чемоданы, дымный вокзал, багажные тележки, стрелки вокзальных часов. Читатель погружается в предотъездную суету вокзалов и поездов. Если в первом стихотворении сюжетом было открытие нового мира в пространстве, то во втором – не только в пространстве, но и во времени. «Мир снова, как палуба в черном густом океане. Под грохот ночных типографских свинцовых страстей Над пальмами солнце восходит, поют пуритане...» [там же]. Это та же Америка, но в иное время, в эпоху рождения «нового мучительного века», а в первом варианте рассматриваемого стихотворения – «неслыханного века». Прошлое и настоящее при этом связываются мотивом скитальчества. Как и пуритане, в свое время навсегда оставившие Европу ради нового, справедливого мира, современник поэта – человек скитающийся, оставляющий навсегда свое жилище. «Что мы покидаем навеки? Немного. Жилище, чернильницу, несколько книг» [там же]. Во втором стихотворении возникает персональная история человека нового века, и читатель понимает, что это «мы» включает и лирическое я поэта, переключаясь с первым, заглавным, стихотворением всего сборника. В тексте сопрягается история Новой Америки и судьба эмигрантов, в том числе и судьба поэта. Не случайно корабельные снасти, упоминаемые в первом стихотворении, во втором трансформируются в «лирные снасти».

Ладинский композиционно обрамляет лирическое переживание скитальчества современного человека обращением к страницам истории США в первой и последней строфах стихотворения. Вновь взгляд поэта фокусируется на драматическом сюжете заселения пилигримами американской земли. Заключительные строки стихотворения «И в хлопанье крыльев орлиных, и в пенье Рождается новый мучительный век...» могут быть прочитаны как реминисценция из «Песни о Гайавате» Лонгфелло: «И начался бой смертельный Меж Скалистыми Горами! Сам Орел Войны могучий На гнезде поднялся с криком, С резким криком сел на скалы, Хлопал крыльями над ними...» [Бунин, 1987, с. 450]. В данном эпизоде поэмы речь идет о битве Гайаваты с отцом Мэджеквисом (что могло бы быть прочитано в контексте поэзии Ладинского как гибель старого и рождение нового мира и как отпадение детей от родителей, а нового Света – от Старого).

Однако более важным кажется то, что и сама поэма Лонгфелло завершается прибытием в Америку, на землю индейцев, кораблей белых людей, пилигримов. Причем и у Лонгфелло, и у Ладинского в цикле «Новая Америка» подчеркивается черный цвет одежд пришельцев и – контрастно ему – белый цвет (лицу Лонгфелло и отложного воротника у Ладинского). В результате этого события открывается следующая страница в истории Америки – утверждение европейской цивилизации на берегах Атлантики. Так с помощью кольцевой композиции и интертекстуальных связей второе стихотворение цикла Ладинского сопрягает современность и историю, личную судьбу лирического героя и судьбу западного мира, утверждая неизбывность скитальчества.

Финальное стихотворение цикла обращает взгляд поэта в будущее – в новую Россию, на новом этапе ее развития. Сопряжение России с уже современной Америкой было более отчетливо выраженным в первой редакции текста. В этой редакции вторая строфа, не вошедшая в окончательный текст, была посвящена Америке, а третья – России. Во второй строфе читаем: «Едва возникают его очертанья, Не то небоскреб, не то корабли. Над новой Америкой солнце в сияньи Восходит из зимней морозной земли» [Ладинский, 2008, с. 329]. В третьей же строфе и далее автор показывает грандиозную картину победы технического прогресса в России, ее индустриальной мощи.

В отличие от «Новой Америки» Блока, обращенной и к прошлому, и к будущему России, Ладинский рисует картину будущего. Поэт еще в большей степени, чем Блок, детализирует сходство между Россией и США (в первом варианте стихотворения это сходство было особенно сильно акцентировано): небоскребы, зимняя морозная земля. В окончательном варианте стихотворения поэт показывает мощную картину технического прогресса России: от Архангельска до Владивостока несутся экспрессы, страну покрывает сеть железных дорог. Посредством цепи гипербола Ладинский пишет об изобилии запасов, наступлении эры аэроплавания, пароходства, железнодорожного транспорта.

В обоих стихотворениях надежда на будущее техническое развитие страны выражена схожими поэтическими деталями (фабричные трубы, зимний пейзаж). Однако Ладинский иначе ставит проблему, уже в первой строке используя обращение «мечтатель»: «Мечтатель, представь себе нефтепроводы, Лет аэропланов и бремя трудов...» [Ладинский, 2008, с. 133]. Картина грандиозного прогресса и процветания страны входит в противоречие с судьбой поэта (мечтателя). В отличие от Блока, сосредоточившего поэтическую мысль на судьбе России, Ладинский актуализирует романтический конфликт: поэт – прагматичное общество, в котором поэт оказывается не у дел. Этот конфликт является одним из важнейших в лирике поэта-эмигранта. Как заметил В.Ф.Ходасевич в отклике на сборник «Пять чувств», опубликованном в газете «Возрождение» от 23 декабря 1938 г., поэзия Ладинского проникнута «бесприютностью поэта и его Музы во внешнем мире. Ладинский ищет приюта в истории, но и там находит он бури и катастрофы – прообразы тех, которые обрушились на него и на его Музу» (цит. по: [Ладинский, 2008, с. 323]). Прогресс связан с гибелью поэта, его одиночеством. Ладинский, переживший Блока, вопрошает из середины 30-х гг., осмысляя чаяния более раннего времени. «Ты будешь такой – Вавилоном, Пальмирой иль Римом! Хотим мы того или нет. Ты будешь прославлена музыкой, лирой, Но будешь ли раем?» [Ладинский, 2008, с. 133]. И ответ на этот вопрос оказывается отрицательным.

Таким образом, стихотворная трилогия позволяет Ладинскому нарисовать картину рождения новой, пуританской, Америки и затем соотнести обе страны – Россию и США – в размышлениях об индустриальном будущем. Однако поэт-эмигрант осложняет лирический сюжет цикла лейтмотивом скитальчества, утраты родных берегов, а также романтическим конфликтом поэта и индустриального века. Блок писал в статье «Памяти Августа Стринберга»: «Явно обновляются пути человечества; новый век, он действительно – новый век...» [Блок, 1982, с. 177]. Ладинский отзывается на размышления Блока о путях нового века циклом «Новая Америка», показывая, что и в новом веке человек обречен на скитание и трагический разлад со временем; в прекрасном индустриальном будущем не найдется места поэзии. Эти размышления Ладинского найдут законченную формулировку в другом стихотворении цикла «Пять чувств» («Роман»), как бы подводя итог теме: «Меняет голоса эпоха. А легкомысленный поэт? Наверное, он кончит плохо Среди своих житейских бед. И прочитав о том в газете, Твой муж, солидный человек, Вздохнет и скажет о поэте: – Стихи в американский век... » [Ладинский, 2008, с. 145].

ИСТОЧНИКИ

1. Бальмонт К.Д. Полное собрание стихов. Т. 8. – Санкт-Петербург: «Скорпион», 1911.
2. Блок А.А. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 2. – Ленинград: «Художественная литература», 1980.
3. Блок А.А. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 4. – Ленинград: «Художественная литература», 1982.
4. Бунин И.А. Собрание сочинений в 6 томах. Т. 1. – Москва: «Художественная литература», 1987.
5. Герцен А.И. Полное собрание сочинений в 30 томах. Том 6. – Москва: «Наука», 1955.
6. Ладинский А.П. Собрание стихотворений. – Москва: «Русский путь», 2008.
7. Немирович-Данченко В.И. Америка в России // Русская мысль, 1882, № 1. С. 318-355; № 2. С. 268-301; № 4. С. 115-146; № 8. С. 85-113; № 10. С. 73-109; № 12. С. 219-236.
8. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. 4. – Ленинград: «Наука», 1977.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колобаева Л.А. Русский символизм. – Москва: МГУ, 2000.
2. Максимов Д.Е. Поэзия и проза Александра Блока. – Ленинград: «Советский писатель», 1981.
3. Марков А.В. Теоретико-литературные итоги первых пятнадцати лет XXI века. Summula de litteris. – Б.м., «Издательские решения», 2015.
4. Молчанова Н.А. Трансформация сектантских песнопений в книге К.Д. Бальмонта «Зеленый вертоград» // Афанасьевский сборник. Материалы и исследования. Выпуск IV. Народная культура и проблемы ее изучения. Сборник статей. Материалы научной региональной конференции 2004 г. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2006. – [URL] http://folk.phil.vsu.ru/publ/sborniki/afanasiev_sb4/molchanova.pdf (дата обращения 10.10.2015).

5. Rougle Ch. *Three Russians Consider America. America in the Works of Maksim Gor`kij, Aleksandr Blok and Vladimir Majakovskij.* – Stockholm, 1976.

SOURCES

1. Bal'mont K.D. *Polnoe sobranie stihov* [Complete poems]. Vol. 8. Saint-Petersburg, Skorpion Publishers, 1911.
2. Blok A.A. *Sobranie sochinenij v 8 tomah* [Works in 8 Vols.]. Vol. 2. Leningrad, Hudozhestvennaja literatura Publishers, 1980.
3. Blok A.A. *Sobranie sochinenij v 8 tomah* [Works in 8 Vols.]. Vol. 4. Leningrad, Hudozhestvennaja literatura Publishers, 1982.
4. Bunin I.A. *Sobranie sochinenij v 6 tomah* [Works in 6 Vols.]. Vol. 1. Moscow, Hudozhestvennaja literatura Publishers, 1987.
5. Gercen A.I. *Polnoe sobranie sochinenij v 30 tomah* [Complete works in 30 Vols.]. Vol. 6. Moscow, Nauka Publishers, 1955.
6. Ladinskij A.P. *Sobranie stihotvorenij* [Collected Poems]. Moscow, Russkij put' Publishers, 2008.
7. Nemirovich-Danchenko V.I. *Amerika v Rossii* [America in Russia] in *Russkaja mysl'* [Russian Thought], 1882, № 1. P. 318-355; № 2. P. 268-301; № 4. P. 115-146; № 8. P. 85-113; № 10. P. 73-109; № 12. P. 219-236.
8. Pushkin A.S. *Polnoe sobranie sochinenij v 10 tomah* [Complete Works in 10 vols]. Vol. 4. Leningrad, Nauka Publishers, 1977.

REFERENCES

1. Kolobaeva L.A. *Russkij simvolizm* [The Russian Symbolism]. Moscow, Moscow State University Publishers, 2000.
2. Maksimov D.E. *Pojezija i proza Aleksandra Bloka* [Alexander Blok's Poetry and Prose]. Leningrad, Sovetskij pisatel' Publishers, 1981.
3. Markov A.V. *Teoretiko-literaturnye itogi pervyh pjatnadcati let XXI veka. Summula de litteris* [Conclusions of the theory of literature 2000-2015]. S.l., Izdatel'skie reshenija Publishers, 2015.
4. Molchanova N.A. *Transformacija sektantskih pesnopenij v knige K.D. Bal'monta «Zelenyj vertograd»* [On transformation of religious songs of Russian sects in the poetry book by Balmont *The Green Pergola*] In: *Afanas'evskij sbornik. Materialy i issledovanija. Vypusk IV. Narodnaja kul'tura i problemy ee izuchenija. Sbornik statej. Materialy nauchnoj regional'noj konferencii 2004 g.* [Afanasyev Collection: Acts and researches. Issue 4. Folk culture and approaches of its studies. A collection of articles. Acts of the regional research conference, 2004] Voronezh: Voronezh State University Publishers, 2006. – [URL] http://folk.phil.vsu.ru/publ/sborniki/afanasiev_sb4/molchanova.pdf (10.10.2015).
5. Rougle Ch. *Three Russians Consider America. America in the Works of Maksim Gor`kij, Aleksandr Blok and Vladimir Majakovskij.* Stockholm, 1976. Текст статьи...Текст статьи...Текст статьи...Текст статьи...